

Горную дорогу окутало плотное облако пыли; порыв ветра пронёсся сквозь чащу, заставив листву надрывно зашелестеть.

Слёзы ненависти катились по глубоким морщинам Суй Ваньцзюнь, а Цзян Сюньвэй замер, неподвижно глядя в ту сторону, где тропа скрывалась за поворотом. Алые отсветы заката медленно гасли, уступая место крадущемуся из ложбин горному туману.

В салоне машины движения Ли Жуна стали заметно быстрее. Кубик Рубика в его руках вращался с неистовой скоростью, оглашая тишину сухими ритмичными щелчками. Однако сегментов было слишком много: даже при том, что юноша действовал куда проворнее обычного игрока, грани всё ещё пестрели хаотичной россыпью цветов.

Цзянь Фу, только что ответивший на сообщение Линь Циня, из любопытства подался вперёд:

— Ну как, получается? Слишком уж много этих рядов.

Ли Жун коротко отозвался, не поднимая головы — трудно было понять, услышал он вопрос или просто отмахнулся. Не моргая, он в очередной раз разрушил почти собранную синюю сторону. Собеседник лишь сокрушённо охнул, глядя на это «варварство».

Но на этот раз Ли Жун не колебался ни секунды.

Цэнь Сяо, сохраняя ледяное спокойствие, лишь мельком глянул на него, после чего открутил крышку на бутылке минералки и неспешно сделал пару глотков.

«Чтобы достичь цели, — мелькнуло в голове у Цэнь Сяо, — порой приходится раз за разом разрушать кажущуюся гармонию. Тот, кто жаждет покоя в текущем моменте и боится разбить всё вдребезги ради нового начала, никогда не увидит финала»

***

В больнице, как и всегда, пахло горькими лекарствами и той невыразимой тоской, что пропитывает стены отделений.

Войдя в кабинет, Шэнь Гуй с глухим стуком рухнула на колени перед Чжай Нин:

— Доктор, спасите мою дочь! Умоляю вас!

Женщина запричитала, содрогаясь всем телом. Слёзы катились по её лицу, изъеденному

ветрами и невзгодами. На фоне безупречно чистого и светлого кабинета её исхудалая фигура и огрубевшие пальцы казались чем-то чужеродным, а спутанные редкие волосы вызвали ассоциацию с отставшей от стаи израненной птицей.

Рядом беззвучно плакала Тунтун. В её огромных глазах застыли ужас и мольба.

Чжай Нин в испуге отпрянула и лишь спустя несколько секунд оцепенения пришла в себя. Она потянула несчастную мать за руку, пытаясь поднять:

— Встаньте! Что вы делаете? Сначала расскажите, что случилось!

За долгие годы врачебной практики женщина видела подобное сотни раз. Перед лицом смерти человек становится хрупким, и гордость — это первое, что он отбрасывает. К чести Чжай Нин, она не разучилась сострадать.

Врач понимала, что такая пациентка вряд ли смогла бы достать талон на приём — перекупщики давно монополизировали очередь с помощью ботов, взвинчивая цены. Большинство людей, попадавших к ней, были с достатком, и Чжай Нин знала, что с этим она поделаться ничего не может.

Поэтому она не стала спрашивать талон.

— У моей дочери бактериальная прогерия, — пролепетала Шэнь Гуй, едва шевеля губами. — Доктор, молю, спасите её...

Сердце Чжай Нин ёкнуло. Хватка на руке женщины ослабла. Нахмурившись, она произнесла:

— Для бактериальной прогерии уже есть специфический препарат. Идите и купите «Цзякэтин».

Лицо Шэнь Гуй исказилось от новой судороги боли. Она завывала, прижимаясь лбом к полу, и крупные капли слёз разбивались о кафель. Из её груди вырвался надрывный, едва сдерживаемый крик:

— Нам не на что его покупать! Мы на улице окажемся, если продолжим его брать! Я никчёмная мать... Эта болезнь — бездонная яма, простому человеку в ней не видно надежды! Раньше мы ждали «Люйиньсюй», а он оказался подделкой! Ложью! Мне остаётся только отдать ребёнка в приют — там она хоть поживёт как человек... Но мне невыносимо расставаться с ней... Директор Чжай, вы лучший педиатр, прошу, помогите вылечить её! Умоляю!

В этот момент Шэнь Гуй уже сама не понимала, играет она или даёт волю истинным чувствам. Никто не смог бы сыграть это правдоподобнее неё.

Её мука была подлинной, её отчаяние — реальностью, в которой она жила. Слезы и безнадёга не были притворством; эта агония, это падение в бездну разыгрывались в её жизни бесчисленное количество раз.

Маленькая Тунтун вцепилась в одежду матери, захлёбываясь от страха:

— Мама, не бросай меня! Мамочка, не отдавай меня никому, я лучше умру рядом с тобой...

Её личико, измождённое годами болезни, было куда худее, чем у сверстников, и оттого взгляд казался ещё более невинным и чистым.

Истерика взрослого может вызвать сочувствие, но плач ребёнка превращает совесть в острое лезвие, нанося удар в самое сердце, давно привыкшее к чужой боли.

Глядя в глаза Тунтун, Чжай Нин словно видела себя в детстве: девочку из неблагополучной семьи, которая из последних сил боролась за право просто дышать.

Она отшатнулась, чувствуя, как в груди спёрло дыхание.

Она снова услышала о «Люйиньсюй». Спустя два года это название должно было исчезнуть из её жизни, а всё — вернуться на круги своя. Но взмах крыльев бабочки вызвал шторм, который в итоге настигнет каждого.

С того дня, как «Люйиньсюй» ушёл в историю, подобные сцены разыгрывались повсюду. Растущие цифры на банковских счетах одних и стоны поверженных на землю других; звон бокалов в отелях «Семь звёзд» и мучительные разлуки близких. Прибыль и совесть, корысть и вина — всё это слоями обволакивало души.

***

Под бескрайним небом шумная суeta городов сменялась безмолвием далёких гор.

Цзян Сюньвэй вперил взгляд в старческие глаза Суй Ваньцзюнь и, перехватив её за запястье, глухо произнёс:

— Старая настоятельница, с лекарством беда... Но не только с лекарством!

Суй Ваньцзюнь растерянно моргнула, её пальцы дрогнули. Она попыталась взять себя в руки:

— Доктор Цзян... что вы имеете в виду?

Её хрупкая фигура, скрытая густой листвой, казалась погребённой в недрах огромных гор — словно лягушка, запертая на дне глубокого колодца, которой не дано выбраться за пределы своего крошечного мира.

Цзян Сюньвэй тяжело вздохнул и посмотрел на небо. Сквозь просветы в ветвях ещё можно было разглядеть чистую, прозрачную синеву, пришедшую на смену багряным облакам.

— Директор Суй, в том деле слишком много странностей. Я подозревал это ещё тогда, но мой голос ничего не значил, я побоялся говорить. Теперь я на пенсии, терять мне нечего, но совесть перед мёртвыми не даёт покоя. Я приехал к вам, потому что вы — опекун этих детей, и вы должны знать правду.

Хун Жу окончательно растерялась. Она порывалась что-то сказать, но понимала, что ей здесь не место.

Суй Ваньцзюнь едва ли не задыхалась от нетерпения:

— Доктор Цзян, раз уж заговорили — договаривайте! Что за странности?

Собеседник заговорил сурово:

— Я подозреваю, что тем детям вообще не давали «Люйиньсюй». Им подсунули дешёвый суррогат, изготовленный в антисанитарных условиях! Эта дрянь не только не лечила, но и вызывала тяжелейшие инфекции внутренних органов. В итоге дети с хроническими патологиями и слабым иммунитетом умирали от полиорганной недостаточности!

— Как это возможно?! — выдохнула Суй Ваньцзюнь.

Цзян Сюньвэй закрыл глаза:

— Я лично видел, как заведующий Чжоу Хун тесно общался с людьми из «Сухэ». Если бы «Люйиньсюй» вышел на рынок, больше всех пострадал бы их «Цзякэтин». А когда речь идёт о таких деньгах, люди не гнушаются ничем.

Старая настоятельница задрожала, медленно качая головой:

— Я не верю... Я позвоню Чжай Нин и всё выясню! Кто посмеет так нагло лгать в деле такой важности?!

— Директор Суй! — Цзян Сюньвэй внезапно повысил голос, в его тоне зазвучала суровость. — Вы задумывались, почему погибли в основном дети из «Сяочэнсян»? Почему больница одобрила участие детей с патологиями? Если бы они были здоровы, то даже от суррата

отделались бы лёгким испугом, как и остальные! Неужели их смерть — вина лишь «Люйиньсюй»? Если мои догадки верны и препарат подменили, представляете, к чему это привело? Ли Цинли и Гу Нун — великие учёные — стали грешниками в глазах мира и покончили с собой. Тысячи детей лишились шанса на исцеление, бесчисленное множество семей разрушено. Вы добрый человек, вы спасаете сирот здесь, в горах Хуннин, но под силу ли вам спасти всех страждущих в Поднебесной? А Ли Цинли и Гу Нун — могли! «Люйиньсюй» — мог!

Суй Ваньцзюнь долго хранила молчание, подавленная этим откровением. Горный ветер растрепал её аккуратно уложенные волосы, придавая её худощавому облику какой-то жалкий, затравленный вид.

Конечно, она не хотела принимать эту правду.

«С одной стороны — незнакомый врач, — размышляла она, — а с другой — её воспитанники, ставшие ей родными детьми. Кто знает, не преследует ли этот человек свои корыстные цели?»

Но истина, которую озвучил Цзян Сюньвэй, была слишком чудовищной. Никто не смог бы вынести груз такого злодеяния.

Она не ушла, продолжая слушать его по одной-единственной причине: в её приюте всё ещё оставались дети, страдающие от бактериальной прогерии. Чжай Нин была её дочерью, но и эти дети были ей родными. Она гневалась из-за подозрений в адрес А-Нин, но терпела ради надежды, что эти малыши могут быть спасены.

Раздираемая противоречиями, женщина не знала, как поступить.

— Это лишь ваши догадки, — наконец хрипло проговорила она.

Цзян Сюньвэй кивнул:

— Когда испытания на животных прошли успешно, Ли Цинли объявил, что препарат не будет коммерческим — он хотел, чтобы лекарство было доступно каждому ребёнку. А в итоге он потерял всё и погиб. Если в вашей душе есть хоть капля жалости к этому учёному, если вы хотите, чтобы ваши дети жили нормально... готовы ли вы пойти со мной и потребовать объяснений от директора Чжай?

Суй Ваньцзюнь промолчала, но и не отказала.

Солнце окончательно скрылось в ущелье, и горы окутал туман.

***

В Центральной больнице «Цзяцзя» зажглись огни ночного освещения. Чжай Нин в раздражении взъерошила волосы, меряя шагами кабинет.

Охранники стояли полукругом, не сводя глаз с рыдающей женщины на полу и испуганной девочки. По-хорошему, им давно следовало вывести тех, кто нарушал порядок, но никто не решался сделать первый шаг.

Они были слишком жалки. Никому не хотелось выглядеть чудовищем в чистых детских глазах, никто не желал брать на душу такой тяжкий груз. Возможно, если бы они навалились гурьбой, разделив вину на всех, дело пошло бы быстрее, но кто станет зачинщиком? Сама Чжай Нин молчала — так зачем им лезть на рожон?

В конце концов, директор бросила на стол перед Шэнь Гуй четыре коробки «Цзякэтин».

— Это лекарство, купленное на мои личные деньги, — холодно произнесла она. — Больше четырёх коробок за раз я выписать не могу. Это всё, чем я в силах помочь. Больница — не благотворительный фонд. Если вы не в состоянии работать, попробуйте подать заявку в фонд помощи — если одобрят, у ребёнка будут лекарства.

Она не сказала, что делать, если не одобрят. В мире слишком много несчастных, и она не могла помочь каждому, а уж тем более — опекать кого-то всю жизнь.

«Такая симпатичная девочка, — с горечью подумала Чжай Нин. — Будет очень жаль, если она погибнет просто потому, что не сможет достать лечение»

Отдав лекарство, врач обошла Шэнь Гуй и, не оборачиваясь, вышла из кабинета. Она намеренно сохраняла ледяное выражение лица — она не могла и не имела права давать ложную надежду. Она не могла сказать Шэнь Гуй: «Отдай ребёнка в „Сяочэнсян“, там „Сухэ“ обеспечивает бесперебойные поставки».

Шэнь Гуй, дрожа, попыталась вцепиться в её брючину, но Чжай Нин безжалостно стряхнула её руку. Женщине оставалось лишь ссутулиться, прижимая к груди четыре драгоценные коробки.

Она приникла лицом к полу. В тот миг, когда она хватала Чжай Нин за ногу — пусть её и оттолкнули — она почувствовала: ей удалось оказать на неё колоссальное психологическое давление.

Её задача была выполнена.

Охрана проводила мать с дочерью до выхода. Спрятав лекарства, Шэнь Гуй подняла голову, глядя на светящиеся красным буквы на крыше здания:

«Центральная больница Цзяцзя».

Они сияли ярко и недостижимо, сочась невидимой кровью.

Два диких гуся пролетели над городом, расправив мощные крылья; казалось, они способны пробить облака и коснуться последних лучей уходящего света.

Тунтун легонько потянула мать за рукав и, подняв покрасневшие глаза, серьёзно спросила:

— Мама, как я сыграла?

Шэнь Гуй присела и нежно смахнула остатки слёз с лица дочери:

— Ты сыграла замечательно.

В этот момент телефон Чжай Нин, собиравшейся сесть в машину, ожил. Это был Цзян Сюньвэй.

Она на миг замерла — это имя давно не всплывало в её жизни. Но после короткого колебания она всё же нажала на кнопку ответа.

— Поужинать? Сегодня?

Небо окрасилось в густой индиго, словно кто-то опрокинул банку с масляной краской. Время продолжало свой бег вдоль тонких нитей облаков; ветер дул в сторону города А.

С сухим щелчком Ли Жун поставил идеально собранный девятирядный кубик Рубика на переднюю панель. Красный и синий цвета, которые он когда-то перемешал, обрели новый, завершённый порядок.

Цзянь Фу, которого уже начало клонить в сон, вздрогнул и выпрямился:

— Ого! Ты реально его собрал?!

Цэнь Сяо, казалось, ничуть не сомневался в исходе. Он взял кубик, бережно повернул его в руках и взвесил на ладони, словно чувствуя тепло пальцев Ли Жуна:

— Следующий будет одиннадцатого порядка?

Ли Жун лениво улыбнулся:

— Нет. Больше не чувствую азарта.

Все пути ведут к одному итогу, а это было лишь способом убить время.

Цэнь Сяо коснулся его лба, стирая выступившую от напряжения испарину:

— Это доброе предзнаменование.

Ли Жун поправил влажную прядь у виска; его взгляд был чистым и ясным, как отполированный обсидиан:

— Я тоже так думаю.

<http://bllate.org/book/15351/1560499>